

Э С Т Е Л Ь
МАСКЕЙМ

*Я говорил, что
скупал
по
тебе?*

Взрывной финал самой
чувственной трилогии года.
Победит любовь или правила?

18+

Я говорил, что...

Эстель Маскейм

Я говорил, что скучал по тебе?

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Маскейм Э.

Я говорил, что скучал по тебе? / Э. Маскейм — «Эксмо»,
2016 — (Я говорил, что...)

ISBN 978-5-04-096573-1

Раскрыты все карты. Секрет Иден и Тайлера знают все вокруг. Они больше не скрывают своей любви. Только многие не в восторге от их отношений. Возлюбленным придется выбирать: сдаться под общественным давлением или же держаться, несмотря ни на что, ради любви. Оба решения невыносимо сложные. Победит любовь или правила?

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-096573-1

© Маскейм Э., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эстель Маскейм

Я говорил, что скучал по тебе?

© Таулевич Л., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Посвящается всем Иден и Тайлерам.
Не сдавайтесь.*

Глава 1

Я шлепаю босиком по холодной воде, держа в руке конверсы. Поднимается ветер, в темноте слышен плеск волн, и я почти забываю, что не одна. Вдалеке раздаются смех и веселые голоса. Сегодня Четвертое июля.

Мимо с громким смехом пробегает незнакомая девушка, за ней парень, и меня обдаёт солеными брызгами. Бойфренд догоняет девчонку, хватая за плечи и притягивает к себе. Сцепив зубы, я крепко сжимаю в руке шнурки от конверсов, обмотанные вокруг пальцев. Никогда не видела эту парочку, хотя они мои ровесники. Наверное, не местные: приехали отмечать старое доброе Четвертое июля в Санта-Монику. И чего они все сюда рвутся? Скука смертная, даже фейерверки запрещены. В жизни не встречала такой глупости, не считая запрета заливать бензин в собственное авто в Орегоне. В соседних Марина-дель-Рей и Пасифик-Палисейдс небо озаряется огнями. Их едва видно, но хоть какое-то развлечение.

Парочка теперь целуется, стоя в воде. Я отворачиваюсь и медленно бреду в сторону от запруженного людьми пирса, подальше от праздничной суеты. На пляже народу меньше, и я чувствую себя свободнее. Четвертое июля для меня – тяжелый день. Слишком много нежелательных воспоминаний связано с этой датой. Я иду все дальше вдоль берега, пока Рейчел не окликает меня по имени.

Совсем забыла, что она пошла за мороженым в «Сода джеркс». Магазины и кафе на набережной работают сегодня дольше, чем обычно. Моя лучшая подруга неловко бежит по песку, держа в каждой руке по большому стакану. На голове у нее бандана с американским флагом.

– Они уже закрывались, – запыхавшись, произносит Рейчел, слизывает с пальца мороженое и протягивает мне мой санди.

Я выхожу на песок и благодарю ее слабой улыбкой. Настроение ни к черту, и притворяться, что мне весело, нет сил. Однако сегодня надо быть патриотичной. Я перевожу взгляд с патриотичных красных конверсов на мороженое, которое называется «Карусель Тоббогана», в честь той самой карусели на ипподроме Луффа. «Сода джеркс» – кафешка на углу. За три недели, что я дома, мы уже несколько раз туда ходили за мороженым. Оно успокаивает нервы гораздо лучше, чем кофе.

– Вся толпа на пирсе, – осторожно напоминает Рейчел. – Может, пойдем туда?

И сразу же переключает внимание на мороженое, боясь услышать отрицательный ответ. Колесо обозрения у нее за спиной светится красными, белыми и синими огоньками, как всегда на Четвертое июля. Скука смертная. Я окидываю взглядом набережную. На променаде толпа народу, и все-таки надо соглашаться: сколько можно испытывать терпение Рейчел?

– Ладно.

Мы разворачиваемся и идем по пляжу, петляя между отдыхающими. Через несколько минут я останавливаюсь, чтобы обуться.

– Ты видела Меган? – спрашивает Рейчел.

– Еще нет, – отвечаю я, заправляя шнурки.

Если честно, я не горю желанием увидеть старую подругу, которую теперь считаю бывшей. Но Меган тоже приехала на лето домой, и Рейчел хочет возродить былую дружбу.

– Ничего, мы ее найдем, – говорит она и меняет тему: – Ты слышала, что колесо обозрения запрограммировано теперь на песню Daft Punk?

Рейчел делает несколько танцевальных движений, хватая меня за руку и увлекает за собой. Я неохотно пританцовываю, несмотря на отсутствие музыки.

– Еще одно лето, еще один год...

Я чуть не роняю свой санди и удивленно смотрю на Рейчел, которая продолжает беззаботно кружиться под воображаемую музыку. Еще одно лето, еще один год. Четвертое лето нашей дружбы, выдержавшей многочисленные испытания. Я даже не надеялась, что Рейчел простит мои ошибки, но она забыла плохое, потому что у нее были более важные дела: угощать меня мороженым, устраивать развлекательные поездки, чтобы отвлечь меня от грустных мыслей, чтобы мне стало легче. Друг познается в беде. Потом я уехала в Чикаго, где меня ждал нелегкий первый курс колледжа, и все равно мы остались лучшими подругами. Теперь я снова в Санта-Монике, и впереди у нас пара месяцев лета.

– Ты уже толпу собрала, – улыбаюсь я.

Когда моя подруга замечает, что окружающие наблюдают за танцем, ее щеки вспыхивают.

– Пора смыться, – шепчет она, хватая меня за руку, и мы срываемся с места. Пробегаем несколько десятков метров, чтобы оторваться от зрителей.

– Скажу в свое оправдание, что Четвертого июля всем разрешается вести себя, как полные идиоты, – выдыхает она. – Это обряд посвящения, который подтверждает, что мы – свободная нация и каждый может делать все, что взбредет в голову.

Вранье. За свои девятнадцать лет я прекрасно усвоила, что ничего мы на самом деле не можем. В Орегоне нельзя заливать бензин в собственную машину, в Санта-Монике нельзя запускать салюты. Нельзя трогать надпись «Голливуд», нельзя нарушать законы и нельзя целоваться со сводными братьями. Нет, вы, конечно, можете все это делать на свой страх и риск, если только хватит смелости отвечать за последствия.

Я презрительно ухмыляюсь. Мы поднимаемся по ступенькам к пирсу, музыка набирает силу. Колесо обозрения мигает цветами американского флага. Другие аттракционы тоже блестят огнями, но не так патриотично. Мы проталкиваемся через парковку, забитую автомобилями, и я вдруг замечаю моего сводного брата Джейми и его подружку Джен, с которой он встречается уже второй год. Джейми прижал девчонку к пассажирской двери старого, побитого «шевроле» в дальнем углу стоянки, и они самозабвенно целуются. Рейчел, видать, тоже их заметила, потому что остановилась.

– Я слышала, от него одни неприятности, – бормочет она. – Копия старшего брата, только белобрысый.

Я посылаю Рейчел предостерегающий взгляд. Старший брат Джейми, который по совместительству приходится мне сводным братом, – запретная тема. С некоторых пор мы даже не упоминаем его имя. Подруга чувствует, что я напряглась, понимает свою ошибку и одними губами просит прощения.

Я оглядываюсь на сладкую парочку. Они все еще целуются. Закатив глаза, я швыряю остатки мороженого в урну и кричу:

– Не забывай дышать, Джей!

И приветственно машу рукой. Рейчел тихонько хихикает и шутливо бьет меня по плечу. Джейми поднимает голову. Его глаза блестят, волосы растрепаны. В отличие от Джен, которая чуть не падает в обморок от стыда, он страшно злится.

– Пошла к черту, Иден!

Джейми хватая свою подружку за руку и уводит ее. Похоже, наш средненький весь вечер прятался от Эллы. Когда тебе хочется без помех позажиматься с девчонкой, ты не станешь делать это на глазах у мамы.

– Он с тобой так и не разговаривает? – спрашивает Рейчел, перестав хихикать.

Я пожимаю плечами и поправляю волосы, которые отросли после зимней стрижки чуть ниже плеч.

– На прошлой неделе за обедом попросил передать ему соль. Это считается?

– Нет.

– Значит, не разговаривает.

Джейми меня терпеть не может. Дело не в том, что семнадцать – трудный возраст, просто его от меня тошнит, как и от старшего брата. Он не выносит нас обоих. Сколько я ни объясняла, что все в прошлом, Джейми не верит. Каждый раз выбегает из комнаты как ошпаренный и хлопает дверью.

Мы с Рейчел выходим на променад, кишачий людьми, и я обреченно вздыхаю. Сегодня здесь собрался весь город. Родители с малышами – в колясках и на плечах, снующие под ногами собаки, парочки в обнимку – как та, на пляже. Видеть их не могу – все эти переплетенные пальчики, томные улыбочки... Желудок противно сжимается. Как я их всех презираю!

Рейчел тормозит перекинуться парой слов с бывшими одноклассниками. Я смутно припоминаю, что вроде бы где-то их видела: в школе или на променаде сто лет назад. А вот они меня знают. Меня теперь все знают. Я – та самая Иден. Девчонка, которая вызывает усмешки и презрительные взгляды у всего города. Вот и сейчас то же самое. Несмотря на мою дружескую улыбку, они косятся на меня, как на прокаженную, всем своим видом показывая, что общаются с Рейчел, а не со мной. Я сжимаю губы, скрещиваю руки на груди и пинаю ногами камешки, ожидая Рейчел.

Так происходит каждый раз, когда я возвращаюсь в Санта-Монику. Меня здесь не любят и считают странной. Исключение составляют только мама и Рейчел. Остальные осуждают меня, хотя толком ничего не знают. Хуже всего было на День благодарения в прошлом году. Я впервые появилась в городе после того, как в сентябре уехала в колледж. За месяц моего отсутствия слухи распространились, как лесной пожар, и к ноябрю все уже знали. А я ничего не понимала. Почему Кэти Ванс, с которой я ходила на несколько предметов в школе, опустила голову и отвернулась, когда я ей помахала? Почему молоденькая кассирша в магазине захихикала и перемигнулась со своей напарницей, когда я пошла к выходу? Я ни о чем не подозревала, пока не пришлось время улетать в Чикаго. Уже в аэропорту какая-то незнакомая девушка спросила у меня открытым текстом: «Это ведь ты встречалась со своим сводным братом?»

Разговаривая, Рейчел то и дело поглядывает в мою сторону. Я независимо пожимаю плечами: все в порядке, но она быстро прекращает разговор, придумав какой-то повод.

– Ну, все, знать их не хочу! – заявляет Рейчел, бросив стакан в урну, и продевает свою руку в мою. И вновь разворачивает меня к парку, да так быстро, что у меня все мелькает перед глазами.

– Меня это вообще не парит, – уверяю я подругу, пока мы пробираемся сквозь толпу.

– Ага, рассказывай! – хмурится она.

Я хочу доказать ей, что мне действительно все равно, однако не успеваю открыть рот, как перед нами появляется Джейк Максвелл – старый приятель из той же компании, что и Меган. Мы уже встречали его пару часов назад, и тогда он был относительно трезвым.

– А-а-а, вот вы где!

Он хватает наши руки и запечатлевает на каждой слюнявый поцелуй. Джейк впервые приехал домой из колледжа в Огайо, мы не видели его два года, и я очень удивилась, что он отпустил бородку, а он – что я так и живу в Санта-Монике. Ему кто-то сказал, что я давным-давно вернулась в Портленд. В остальном Джейк не изменился: он все такой же бабник и не пытается это скрывать. Когда Рейчел спросила у него, как дела, он ответил, что не очень, потому что обе подружки бросили его практически одновременно, и искренне недоумевал, какая муха их укусила.

– Где ты успел так набратись? – спрашивает Рейчел, морща нос и вырывая у него руку. Ей приходится перекрикивать музыку, доносящуюся из Пасифик-парка.

– У Ти-Джея. – На случай, если мы забыли, где живет Ти-Джей, он показывает большим пальцем себе за плечо, на жилой комплекс прямо за пляжем.

Такое разве забудешь! Мой желудок подскакивает к горлу.

– Он отправил меня собирать народ. Хотите на афтепати? – блестит глазами Джейк.

Его майку украшает американский флаг с орлом, на лапах которого печатными буквами выведено слово «свобода». Это смешно, но еще смешнее временная татуировка в виде орла, что красуется у Джейка на щеке. Видно, он пил не только пиво.

– Афтепати? – переспрашивает Рейчел. По глазам видно, что она очень хочет.

– Ага! – Джейка распирает от восторга. – Море пива и все, чего душа пожелает! Давайте, девчонки, сегодня ведь Четвертое июля, и выходные впереди, там будут просто все.

– Все? – морщусь я.

– Ти-Джей со своими, Меган с Джаредом уже пришли, Дин заглянет попозже, Остин Камер...

– Я пас.

Джейк огорченно умолкает и переводит взгляд с меня на Рейчел. Затем хватает меня за плечи и легонько встряхивает:

– Э-э-эй, ты меня слышишь? Что с тобой, черт возьми? Где Иден, которую я знал? Я чертовски давно тебя не видел, но ты не могла за каких-то два года стать такой занудой!

Я стряхиваю его руки и делаю шаг назад. Не собираюсь я ему объяснять, что да почему. Молча опускаю взгляд в пол, надеясь на Рейчел. Она всегда меня спасает, напоминая сомневающимся, что я не встречалась со своим сводным братом. Она не допустит, чтобы я столкнулась с Дином. Мне до сих пор стыдно перед ним, да и он явно не обрадуется встрече. Кому приятно видеть своих бывших, тем более тех, которые им изменяли.

– Она не обязана идти, если не хочет, – заявляет Джейку моя подруга.

Я не поднимаю глаз, потому что чувствую себя слабой и жалкой.

– Ты не можешь избегать его вечно, – бормочет Джейк, который думает, что я не хочу на вечеринку из-за Дина.

Я пожимаю плечами и тру висок. На самом деле причина в другом. Я была в квартире у Ти-Джея только раз в жизни, три года назад. С тем самым сводным братом. И никакая сила не заставит меня пойти туда снова, тем более сегодня.

– Иди без меня, – обращаюсь я к Рейчел.

Ей отчаянно хочется попасть на эту вечеринку, и все-таки она готова отказаться, чтобы не оставлять меня одну. Так поступают лучшие подруги. Но Рейчел и без того убила весь вечер на то, чтобы утешать и успокаивать меня. Пусть погуляет. В этом году День независимости пришелся на пятницу, можно как следует оторваться.

– Я разыщу Эллу и вернусь домой с ними.

– Нет, – отказывается подруга.

– Иди, Рейчел, – твердо говорю я.

– С тобой точно все будет в порядке?

– Даже не сомневайся!

– Тогда мы пошли!

Джейк радостно хватается за руку и уводит прочь. Она машет мне на прощанье и исчезает в толпе.

Так, уже половина десятого. Салюты закончились, и многие начинают расходиться по домам. Я набираю Эллу. К несчастью, моя мама и ее бой-френд Джек сегодня работают, поэтому я могу рассчитывать только на мачеху и отца. Однако самое неприятное, что эту неделю я живу у них. Ужасно, когда твои родители в разводе – бегаешь туда-сюда между домами. Я не люблю жить у отца, и ему это тоже не нравится. В воздухе постоянно висит напряжение. Как и Джейми, отец разговаривает со мной только при крайней необходимости.

У Эллы занято, а оставлять сообщение я не хочу. Отцу звонить тем более не хочется, но у меня нет выбора. Отыскав его номер, прижимаю телефон к уху, как вдруг замечаю своего самого младшего сводного братишку, Чейза. Он прогуливается возле ресторана «Бабба Гамп» в гордом одиночестве. Непохоже, чтобы он потерялся, вид у него достаточно независимый.

Я нажимаю «отбой» и спешу к Чейзу:

– А где твои друзья?

Я ищу взглядом группу школьников, но Чейз сообщает, что те уехали автобусом в Венис, а ему мама запретила уходить с пирса. Приятели Чейза те еще оторвы, наверняка родители не разрешали мальчишкам ехать в Венис. Я рада, что Чейз остался.

– Погуляем? – предлагаю я.

Он соглашается, и мы направляемся к парку. Чейз любит видеоигры, однако не успеваем мы дойти до игрового павильона, как у меня звонит телефон. Это отец.

– Зачем звонила? – сердечно приветствует меня он.

– Ничего такого, просто узнать, где вы.

– Мы давно в машине, и если хочешь ехать с нами, советую поспешить, не то придется просить об одолжении брата, а он вряд ли тебя подвезет.

Не в силах слушать бред, я кладу трубку. Так кончается в последнее время подавляющее большинство наших телефонных бесед. Разговоры вживую заканчиваются тем, что кто-то выбегает из комнаты, хлопнув дверью. Бросаю трубку обычно я, а хлопает дверью он.

– Кто это? – спрашивает Чейз.

– Едем домой, – объявляю я, игнорируя вопрос.

Для Чейза не секрет, что мы с отцом терпеть друг друга не можем, просто не хочется вовлекать его в семейные разборки.

– Сегодня поиграть не выйдет.

– Я уже выиграл кучу билетов.

– Сколько?

Он ухмыляется и похлопывает по карманам шорт:

– Сотен семь.

– Ничего себе! И на что ты их копишь?

– Хочу набрать две тысячи.

Идя по променаду в сторону Оушен-авеню, мы обсуждаем компьютерные игры, колесо обозрения, фейерверки и Венис, а затем начинаем спорить, где отец поставил машину. Чейз доказывает, что мы припарковались не к северу от шоссе, как я полагала, а к югу, в районе бульвара Пико и Третьей улицы. В конце концов я признаю его правоту. Значит, нам идти еще целый километр и надо торопиться. Отец не любит, когда его заставляют ждать.

Через десять минут мы наконец находим «лексус». Папочка стоит возле машины со свирепым выражением лица.

– Хорошо, что додумалась найти брата, – сердито говорит он, делая ударение на последнем слове.

Джейми и Чейз теперь не Джейми и Чейз, а всегда «братья». Нам с Джейми это не нравится, а Чейзу все равно.

Я сохраняю спокойствие, хотя меня раздражает его тон. Элла сидит впереди с прижатым к уху телефоном.

– Деловой разговор? – поворачиваюсь я к отцу.

– Угу.

Он наклоняется и громко стучит костяшками по стеклу. Элла от испуга чуть не роняет телефон, но отец только показывает ей на нас с Чейзом. Элла кивает, прощается и выключает телефон. Только после этого отец разрешает нам сесть в машину.

Мы с Чейзом устраиваемся сзади и пристегиваем ремни. Отец садится за руль, скользнув по мне тяжелым взглядом.

– Ты не хочешь остаться подольше? – спрашивает Элла, поворачиваясь ко мне.

Уже почти десять часов. На вечеринку я однозначно не пойду, так что здесь еще делать?

– Нет, – односложно отвечаю я. Не буду же я ей рассказывать, как тупо провела вечер.

– А ты, дружище? – Отец кивает Чейзу в заднее зеркало. – Кажется, мама Грегга обещала забрать вас всех попозже?

Чейз, оторвавшись от телефона, исподлобья смотрит на меня. Я напрягаю мозг и импровизирую:

– У него голова разболелась, и я предложила ему ехать с нами. – И заботливо спрашиваю у брата: – Тебе уже лучше?

– Да, – Чейз ожесточенно трет лоб, – это, наверное, от чертова колеса. Уже прошло. А давайте заедем за гамбургерами! Пожалуйста, пап! Есть хочу, умираю.

Элла закатывает глаза, а отец говорит:

– Я подумую.

Они больше не обращают на нас внимания. Я сжимаю руку в кулак и ставлю на сиденье. Чейз стучит своим кулаком по моему, и мы улыбаемся друг другу. Знай отец, что вытворяют дружки Чейза, он запретил бы ему с ними водиться, хотя Чейз не по возрасту рассудителен.

Мы останавливаемся в Wendy's на бульваре Линкольна, отец с Чейзом заказывают по гамбургеру, а я – большую порцию ванильного «Фрости». Всю оставшуюся дорогу я ем мороженое, плююсь в темное окно и слушаю разговор отца с мачехой о музыке восьмидесятых. Потом они начинают спорить, вернется ли Джейми к двенадцати, как обещал. Отец пророчит, что он опоздает минимум на час.

Пробки рассосались, и мы доезжаем до авеню Дидре за десять минут. Отец ставит автомобиль рядом с «ренджровером» Эллы. Я выхожу из машины, как только он глушит двигатель, и направляюсь ко входу, когда меня окликает Элла:

– Иден, не сможешь мне выгрузить из багажника продукты?

Я никогда не отказываюсь помочь Элле и поворачиваю к ее машине. Она находит ключи и открывает багажник – совершенно пустой. Похоже, ранний склероз, думаю я и вопросительно поднимаю брови. Никогда не видела у нее таких перепуганных глаз. Дождавшись, пока мужчины зайдут в дом, она тихо произносит, пристально глядя на меня:

– Тайлер звонил.

Я невольно делаю шаг назад. Это имя для меня – острый нож. Я его не произношу. И не хочу слышать – слишком больно. Я дышу невпопад и начинаю дрожать. Она говорила с Тайлером. Он звонит ей каждую неделю. Элла ждет его звонков, хотя никому о них не рассказывает. А сейчас зачем-то сказала. Она судорожно сглатывает и опасно смотрит на дом. Отец запретил всем произносить его имя, и это единственное, в чем я с ним согласна. Тем не менее Элла продолжает:

– Просил пожелать тебе счастливого Четвертого июля.

Я закипаю от злости. Какая горькая ирония! Три года назад на Четвертое июля мы с Тайлером смотрели салют из коридора школы в Калвер-сити. Тогда все и началось. Там я поняла, что испытываю к сводному брату какие-то неправильные чувства. В тот вечер нас чуть не задержали за незаконное проникновение. В прошлом году на Четвертое июля мы с Тайлером не смотрели фейерверки. Мы сидели у него в квартире в Нью-Йорке, одни, в темноте. В окна стучал дождь, Тайлер цитировал Библию, рисовал на моем теле и говорил, что я – его единственная любовь. Те праздники были не похожи на сегодняшний. Пожелать мне счастливого Четвертого июля – злая насмешка. Я не видела его целый год. Он уехал и оставил меня одну, когда был мне очень нужен. Мы больше не вместе. Как он смеет желать мне счастливого праздника, если его нет со мной?

Еще немного, и я сорвусь. Элла ждет ответа. Я захлопываю багажник и говорю:

– Скажи своему Тайлеру, что оно не было счастливым.

Разворачиваюсь и бегу к себе в комнату.

Глава 2

В начале первого ночи, когда я почти засыпаю, звонит Рейчел. Я раздраженно тру глаза и тянусь к телефону. В трубке слышны музыка и крики.

– Кажется, я знаю, зачем ты звонишь, – говорю я. – Тебя нужно отвезти домой?

– Не меня, – отвечает подруга на удивление трезвым голосом, – а твоего брата.

– Джейми?

Этого я не ожидала. Резко принимаю сидячее положение и нашариваю на тумбочке ключи от машины.

– Да, Ти-Джей просит забрать его отсюда. Он играет с ножами на кухне, а до этого его стошнило.

– Как он вообще там оказался?

– Его пригласил младший брат Ти-Джея. Тут куча малолеток, я чувствую себя древней старухой.

Кто-то кричит, чтобы она заткнулась – видно, те самые малолетки, – Рейчел беззлобно отругивается и снова обращается ко мне:

– Кстати, и меня заберешь, здесь настоящий дурдом.

– Буду через пять минут.

Я со вздохом сползаю с кровати, включаю свет и натягиваю худи прямо поверх пижамы. В доме тихо. Отец с Эллой ушли на праздничное барбекю к родителям Рейчел, через дорогу. Представляю эту картину: папаши и мамы среднего возраста пьют пиво и коктейли под дурацкую музыку, от которой тащились в нашем возрасте. Я рада, что их нет и можно спокойно уехать за Рейчел и Джейми. Чейза будить не стоит, пусть спит. Перед уходом догадываюсь захватить на заднем дворе ведро. Не хочется, чтобы сводный братишка заблевал мне весь салон. Закрываю дверь и совершаю бросок к машине. В доме Рейчел горит свет, сквозь закрытые жалюзи гостиной видны движущиеся тени. Я бросаю ведро на пассажирское сиденье и выезжаю.

Дорога почти пуста, и я действительно доезжаю до квартиры Ти-Джея на Оушен-авеню за пять минут. Пирс уже закрыт, там тихо, в отличие от дома Ти-Джея, возле которого столько машин, что припарковаться негде. «БМВ» Джейми тоже здесь. Остановившись прямо посреди дороги, пишу Рейчел, что я уже на месте, и Джейми – чтобы эта пьянь срочно выходила.

Квартира на втором этаже – единственная, где горит яркий свет, через французские окна в пол видно, что там полно народу. Похоже, Ти-Джей переоценил возможности своего жилища и позвал слишком много гостей. Джейк сейчас небось охмуряет какую-нибудь бедную девчонку, благоразумный Дин следит, чтобы никто не наделал глупостей, Меган с Джаредом тоже развлекаются, как могут.

Вскоре появляются Рейчел с Джейми. Я вижу через стеклянную дверь, как они выпадают из лифта. Моей подруге приходится буквально тащить Джейми, и я бросаюсь ей на помощь.

– Надеюсь, завтра у тебя будет адское похмелье, – говорю я брату, помогая ему принять стоячее положение. Он такой пьяный, что с трудом переставляет ноги, и все-таки умудряется ответить:

– А я надеюсь, что ты попадешь в ад.

Я привыкла к его презрению. Рейчел только хмурится. Мы с трудом запикиваем юного алкоголика на заднее сиденье. Я пытаюсь пристегнуть ремень, но Джейми отталкивает меня, я сдаюсь и захлопываю дверцу.

– Нет, он точно тебя ненавидит, – бормочет Рейчел.

Ее конский хвост растрепался, а бандана обмотана вокруг руки, но она трезва как стеклышко.

– Пусть, завтра утром будет радоваться, что его забрала я, а не родители. Наказали бы до конца дней!

Мы с Рейчел одновременно запрыгиваем в машину с разных сторон, она удивленно поднимает брови, заметив ведро, и со смехом передает его назад. Джейми принимает груз, недовольно ворча. Мы выезжаем на дорогу, оставив позади вечеринку с ее пьяным угаром.

– Твои у моих? – спрашивает Рейчел.

– Ага. – Я поглядываю в зеркало на Джейми. Он разлегся сзади, голова свисает в стоящее на полу ведро. – Они еще там, вся толпа.

– Придется заходить через черный ход. Надоели вопросы родительских друзей, чем я занимаюсь.

– А чем ты занимаешься? – ухмыляюсь я.

– Выпустите меня! – возмущается Джейми и тянется к двери. Дергает ручку, с трудом принимает сидячее положение и, поняв, что заперт, стучит кулаком в окно: – Мне противно находиться в этой машине!

– Твоя проблема, – спокойно отвечаю я, не отвлекаясь от дороги.

– Рейчел, – Джейми хватается за плечо, – соседка, я тебя сто лет знаю, выпусти меня из этой машины, будь добра!

– Не смей меня хватать! – разворачивается к нему Рейчел.

– Ты должна мне помочь!

– Чем тебе помочь?

– Я не хочу находиться рядом с этой извращенкой! – Он тычет в меня пальцем, как в прокаженную, и презрительно щурит налитые кровью глаза.

– Ничего, переживешь.

Я крепче сжимаю руль и давя на газ. Рейчел в курсе, что мы на ножах. Она оборачивается и бросает на Джейми тяжелый взгляд:

– Советую заткнуться. Ты пьян и ведешь себя как подонок.

– Я пьяный подонок? Ха-ха три раза.

На его лице появляется кривая ухмылка. Он презрительно сжимает мое плечо.

– Стоит ей выкурить косячок, и она в меня тоже влюбится.

Я стряхиваю руку и толкаю его локтем в грудь. Машина виляет, и я снова хватаю руль обеими руками.

– Чего ты от меня хочешь?

– Иден, он просто пьян, – успокаивает меня Рейчел и кладет руку на руль.

Я думаю о своем. Дело не в сегодняшнем дне. Прошел уже год, а Джейми так и не принял правду. Боюсь, он возненавидел меня и Тайлера на всю жизнь.

– Нет, серьезно, объясни.

Джейми тяжело сглатывает и медленно выплевывает слова:

– Ты. Мне. Омерзительна.

Я молчу. Хочется вышвырнуть его из машины. К глазам подступают слезы. Я знаю, что он действительно считает меня гадкой, мерзкой извращенкой, просто до сих пор ему не предоставлялось случая сказать это мне в лицо.

– Я не знаю, чего ты от меня хочешь, – спокойно говорю я. – Между мной и... Тайлером ничего нет. Все в прошлом. Пожалуйста, Джейми, не надо меня ненавидеть.

Парень падает на сиденье, хватается за ведро и блюет. Рейчел взвизгивает, зажимает рот рукой и наклоняется вперед, чтобы находиться как можно дальше от Джейми. Я морщу нос и открываю все окна.

– И он еще говорит, что ты омерзительна, – бормочет Рейчел.

Всю оставшуюся дорогу сзади раздаются рвотные позывы, стоны и ругань. К счастью, это всего пара минут, и мы с Рейчел проводим их в молчании.

Как назло, отец с Эллой подходят к калитке в ту самую минуту, когда я останавливаюсь. Заметив мою машину, они тормозят на лужайке перед домом, и отец становится в вызывающую позу.

– Вот дерьмо, – в пятый раз повторяю я. Закрываю окна и глушу двигатель.

Элла щурится, пытаюсь разглядеть, кто со мной в машине. Ее пьяный сыночек.

– Ну все, он труп, – замечает Рейчел.

– Да, ему конец.

Набрав в грудь побольше воздуха, я открываю дверь, и мы с Рейчел одновременно выходим из машины.

– Рейчел, по-моему, тебя родители обыскались, – строго говорит мой папаша, кивая в сторону ее дома. Там горит свет и движутся тени.

– Спасибо, мистер Манро, я уже иду, – отвечает она невинным голосом, в котором угадывается легкий сарказм.

Отцу за сорок, волосы у него начинают седеть. Он не помнит, как был подростком, и не улавливает иронии, поэтому лишь натянуто улыбается и ждет ее ухода. Рейчел разворачивается и идет к своему дому, однако успевает шепнуть, проходя мимо:

– Быстрее бы отсюда уехать!

В воздухе повисает молчание. Я не хочу заговаривать первой. Джейми валяется в машине, Элла щурится, а отец, проводив взглядом Рейчел, переключается на меня:

– Где, черт возьми, ты была?

Он не только старый козел, а еще и дурак. По выражению его лица понятно, что я в свои девятнадцать не могу уйти из дома после полуночи с добрыми намерениями. Стараясь не закатывать глаза, я обхожу машину, показываю нижнюю часть своего гардероба и замечаю:

– Как видишь, я в пижаме.

Открываю дверь, и перед взорами восхищенной публики предстают Джейми и ведро.

– И кстати, я ездила за ним. Его выставили с вечеринки, потому что он напился как свинья.

– О господи, Джейми, – стонет Элла, в ужасе закрыв глаза руками, и бросается к нему.

Отец неодобрительно смотрит, как Элла ведет по газону спотыкающегося сыночка. Когда ей наконец удастся придать Джейми вертикальное положение, тот вдруг издает пьяный вопль:

– Иден хотела меня поцеловать!

– Пошел на хер, Джейми, – шиплю я.

– Иден Оливия Манро, – провозглашает отец, выпятив грудь, – дай сюда ключи от машины!

И властно протягивает руку.

– Это еще почему?

– Потому что ты тайком уезжаешь из дома и употребляешь нецензурные слова. Ключи!

Я сжимаю ключи в руке и перевожу взгляд на Джейми. Тот злорадно ухмыляется.

– Ты хочешь наказать меня за то, что он напился, а я привезла его домой?

– Дай сюда чертовы ключи!

Он вне себя от злости, а меня разбирает смех. Отец груб и безжалостен, хотя моя вина заключается только в том, что я имела неосторожность влюбиться в сводного брата.

– Дейв, – бормочет Элла, – она не сделала ничего плохого.

Отец не обращает внимания. Элла не имеет права указывать, как ему воспитывать своего ребенка. Вzbешенный моим сопротивлением, он бежит ко мне. Я бросаюсь к машине.

– Пошел к черту, я еду домой!

– Твой дом здесь! – кричит он, хотя сам знает, что это вранье.

За последний год он слишком часто давал понять, что не рад мне ни в своем доме, ни в своей жизни.

– Домом здесь и не пахнет, – отвечаю я, хлопаю дверью и завожу двигатель.

Выезжая на дорогу, я смотрю на них в зеркало заднего вида. Полусонный Чейз на пороге удивленно таращит глаза, не понимая, что происходит. Отец и Элла кричат друг на друга, сердито размахивая руками. Да уж, нашей семейке далеко до совершенства. По сути, она прекратила свое существование год назад.

Глава 3

В четверг я, как всегда, начинаю день с пробежки по набережной до Венис и обратно. На обратном пути останавливаюсь в Refinery. За последний год я разленилась и ела что захочу, впервые в жизни не заботясь о фигуре. Впрочем, с этим пора кончать. Я твердо решила привести себя в порядок до возвращения в колледж, поэтому позволяю себе только кофе – мой любимый ванильный латте, за который готова продать душу.

Я смакую каждый глоточек, рассматривая через стеклянное окно бесконечный поток прохожих на бульваре. Рейчел сегодня не придет, уехала к бабушке в Глендейл, но мне и одной неплохо. Если бы только не стайка девчонок лет по шестнадцать, которые таращатся на меня, словно на экзотическое животное. Хотя в одном ухе у меня наушник, я все равно улавливаю слова «сводный брат». Когда эти пигалицы исчезают за дверью, я выпускаю облегченный вздох, вставляю наушник в другое ухо и увеличиваю громкость. Я слушаю старый альбом моей любимой группы La Breve Vita, которая в прошлом году распалась.

Я медленно допиваю кофе и неохотно иду к выходу. Бежать по такой адской жаре – сомнительное удовольствие, однако ничего не поделаешь – надо. Не успеваю поменять плейлист, как раздается звонок. Это Элла. Отцу я бы не ответила, но мачеха не сделала мне ничего плохого.

– Иден, ты где?

– В Refinery, а что? – неуверенно отвечаю я.

– Можешь зайти к нам? Не бойся, твой отец на работе.

– А ты не на работе?

– Я работаю с документами. Через сколько ты будешь?

– Минут через двадцать.

Я не могу понять, в чем дело. Бывает, Элла звонит узнать, что я хочу на ужин, не нужны ли мне деньги на карманные расходы, или спросить, как дела. Но этот звонок какой-то странный. Она зачем-то зовет меня в дом, куда мне совсем не хочется идти, тем более после вчерашней стычки с отцом.

– Что-то случилось?

– Ничего, просто поторопись.

Я увеличиваю громкость и пускаюсь в путь. До их дома больше двух миль, значит, мне надо минут пятнадцать. По дороге ломаю голову, зачем я ей так срочно понадобилась. Ничего не приходит на ум, и я сдаюсь. Ладно, скоро узнаю.

Дом встречает меня тишиной. Не видно ни Чейза, ни Джейми, ни отца. Элла стоит на лестнице в строгой юбке и деловой блузке. Я вытираю пот и пытаюсь отдышаться.

– Можешь подняться на минутку? – спрашивает она.

Наверное, решила выставить меня из дома и сделать из моей комнаты гостевую. Тяжело дыша, я поднимаюсь по лестнице. Конечно же, это придумал отец, она просто выполняет его указания. «Извини, Иден, ты слишком отвратительна и невыносима, чтобы оставаться в этом доме хоть одну лишнюю секунду!» Я ищу глазами коробки с моими вещами.

– А где Джейми и Чейз?

Элла направляется к двери в свой кабинет, рядом с моей комнатой.

– Джейми гуляет с Джен, а Чейз на пляже, – бесстрастно отвечает она.

Я останавливаюсь на пороге, не решаясь последовать за мачехой. Не только потому, что нам запрещено входить в кабинет, но и по другой причине. Раньше это была спальня, о чем красноречиво напоминают небрежно перекрашенные из голубого в бежевый цвет стены.

– Так что, Джейми не наказан?

Просто удивительно: Джейми может вернуться домой пьяным, заблевать весь газон, и ему все сойдет с рук.

– Наказан, но сегодня я не хотела, чтобы он был дома.

– Почему?

Я поправляю растрепавшийся хвостик и рассматриваю ее рабочий стол с папками.

– Потому что он еще не знает, – медленно говорит Элла, – я еще никому не говорила, особенно твоему отцу.

О господи! До меня наконец доходит. Я недоверчиво моргаю, хватаюсь за дверную ручку, чтобы не упасть в обморок, и выдаю:

– Ты беременна?

Элла, покраснев, качает головой:

– Боже мой, Иден, конечно нет. Надо же такое придумать!

Мне становится чуточку легче. Не могу представить своего нервнобольного папочку с грудным ребенком на руках.

– А в чем тогда дело? – недоуменно спрашиваю я, немного стыдясь своей глупой догадки.

Элла тяжело вздыхает. Я начинаю терять терпение. Мне все это ужасно не нравится. Что происходит? Зачем она меня позвала? Может, они переезжают в другой город? Или она бросила работу? А может, разводится с отцом? Да, размечталась...

Элла молчит, едва шевеля губами, словно хочет что-то сказать и не может. Проходит еще несколько томительных секунд, и необходимость в словах отпадает. Мачеха переводит взгляд на что-то за моей спиной, и я слышу голос, который узнала бы из миллиона:

– Дело во мне.

Мое сердце замирает, внутри все сжимается. Я оборачиваюсь. Передо мной стоит человек, который был для меня всем, но я этого не понимала, пока он не исчез из моей жизни, как я думала, навсегда. Мой сводный брат. Тайлер.

Я испуганно отступаю. Он совсем не изменился. Белая футболка, темные джинсы, легкая щетина, изумрудно-зеленые глаза. Он едва заметно улыбается.

Я делаю шаг назад, чувствуя себя обманутой. Меня заманили сюда против воли. Элла знает, что мне тяжело о нем думать, не то что видеть, и я обращаю свой гнев против нее:

– И что все это значит?

Похоже, ее сейчас хватит удар. Она переводит взгляд с Тайлера на меня, морщась, как от головной боли. И наконец говорит прерывающимся голосом:

– Мне пора на встречу.

Хватает свой жакет, стопку бумаг и уходит. Стук ее каблуков эхом отдается в ушах. Негромкий хлопок входной двери, и дом погружается в молчание.

Я до сих пор не осознаю, что напротив меня стоит Тайлер. Наши взгляды встречаются. Его глаза светятся от счастья, мои – горят ненавистью. Он делает шаг вперед и широко улыбается:

– Иден, – тихо шепчет он, словно мое имя можно разбить, если произнести слишком громко.

Это бесит меня сильнее, чем все остальное. Не давал о себе знать целый год, а теперь улыбается как ни в чем не бывало.

Меня ослепляет ненависть. Не осознавая, что делаю, я размахиваюсь и изо всей силы бью его по щеке.

Тайлер закрывает глаза, наклоняет голову и осторожно потирает место удара, словно пытаюсь стереть боль.

– Что ты здесь делаешь? – хриплю я.

Улыбка пропала, на его щеке расцветает огромное красное пятно.

– Я же обещал, что вернусь, – говорит он глубоким, с хрипотцой, голосом, который я когда-то так любила. Теперь он меня лишь раздражает.

– Я думала, ты вернешься через пару недель, максимум через месяц...

Сглотнув, я отступаю к Эллиному столу. Я не могу находиться рядом с Тайлером. Я его ненавижу.

– ...а не через год!

У него такой обескураженный вид, как будто он даже не думал, что я могу разозлиться. Интересно, на какую встречу он надеялся? Думал, что я брошусь ему на шею, осыплю поцелуями и буду вне себя от счастья? Он явно не ожидал ненависти и презрения, не ожидал увидеть девушку, которая больше его не любит.

Впрочем, что толку стоять здесь и кричать на него? Я не хочу спорить и драться. Не хочу, чтобы он объяснялся и молил о прощении. Знать его не желаю! И поэтому я должна уйти: спокойно и решительно, несмотря на боль, тисками сжимающую грудь. Если я побуду рядом с ним еще немного, моя ненависть превратится в горячие, обжигающие слезы.

Я поднимаю голову и иду к выходу, глядя прямо перед собой. Спускаясь по лестнице, чувствую на себе его взгляд, а когда открываю дверь, слышу взволнованный голос:

– Иден, подожди!

Я не хочу больше ждать. Я ждала его слишком долго, волнуясь, теряясь в догадках, доводя себя до иступления. Бесконечные дни, недели, месяцы. Целый год. Я давно перестала ждать.

Я хлопаю дверью и пускаюсь бежать. Так быстро, как никогда раньше не бегала. Мне хочется убежать от Тайлера и от этого дома как можно дальше. Звенит в ушах, сердце вырывается из груди. Бег действует на меня отрезвляюще. Адреналиновый шок проходит, и я начинаю чувствовать боль в руке. Сжимаю ее в кулак и бегу дальше.

Я добегаю до маминого дома за пять минут. Запираю за собой дверь и пытаюсь отдышаться. По телевизору идет ток-шоу, Гуччи тычется мокрым носом мне в ноги.

– Только не говори, что ты убегала от полиции. – Забыв выключить воду, ко мне подходит мама, вытирает руки кухонным полотенцем и вопросительно поднимает брови.

Я отталкиваю собаку и смотрю маме в глаза. Она сразу понимает: случилось что-то ужасное. Теплая улыбка исчезает, морщинка на лбу углубляется.

– Что произошло, Иден?

У меня дрожат губы, я изо всех сил пытаюсь совладать с эмоциями. Я не думала, что он вернется. Через какое-то время я поверила, что он счастлив и мы ему не нужны. Меня охватывают отчаянье и злость.

Мое молчание пугает маму еще больше, и я наконец произношу:

– Тайлер вернулся.

И разражаюсь слезами.

Глава 4

Мама дает мне поспать. Вообще-то я не сплю, а просто лежу на кровати, завернувшись в одеяло, и опухшими глазами смотрю в потолок. Я долго плакала. Потом приняла душ, надела уютный спортивный костюм и забралась в постель. С тех пор не выходила из комнаты и провалялась большую часть дня. Голова болит, как будто сейчас взорвется. Буду лежать здесь до вечера, а то и до конца недели. Правда, мама не позволит мне запереться в комнате дольше, чем на один день, как бы мне этого ни хотелось.

Дело в том, что я больше не могу видеть Тайлера. Надежды, которые я питала прошлым летом, давно испарились. Тогда у нас еще был шанс. Мы могли быть вместе, открыто и официально, назло всем. А он все испортил. Он не имел права уезжать, когда был мне так нужен. Сначала я пыталась его понять, и мне это удалось – где-то через месяц, когда справилась с первоначальным шоком. Он хотел разобраться в себе. Только почему он сбросил со счетов меня? Не ответил ни на один звонок. Я оставляла голосовые сообщения, но, судя по всему, он их не слушал. Я отправляла эсэмэски, задавала вопросы, на которые не получила ни одного ответа. Он молчал, даже если я просто спрашивала, все ли с ним в порядке. Я устала, мне надоело, и к ноябрю я оставила всякие попытки связаться с ним.

Мне было чем заняться: колледж, новые занятия, новые друзья, новый город. Это отвлекло. Во всяком случае, первое время. Мы с подружками готовились к экзаменам в библиотеке, пили лошадиные дозы кофе, ездили в супермаркет, когда заканчивалась еда, возвращались пьяные со студенческих вечеринок. За это время я даже сходила на парочку свиданий, но они оказались сплошным разочарованием. В феврале мои мысли снова занимал Тайлер. Правда, я уже не грустила, а злилась на него.

Я не понимала, почему он поддерживает связь с Эллой, но не со мной, и почему не едет в Санта-Монику, как обещал. Прошло семь месяцев. Меня злило, что он до сих пор не вернулся. Мне казалось, он забыл обо мне. Собрал вещи и уехал, оставив меня расхлебывать кашу, которую мы заварили вдвоем. Когда я приезжала на каникулы в Санта-Монику, косые взгляды, нелестные комментарии – все это доставалось мне, а не ему. Мне, а не ему приходилось терпеть унижения от отца и Джейми. Меня, а не его бросили.

Мое раздражение росло. Он уехал и не вернулся, не соизволил даже позвонить, он радуется жизни. Он счастлив без меня, думала я, и мне было очень больно.

Впервые он позвонил на весенних каникулах. Мы с Рейчел, запыхавшись, преодолевали очередной крутой подъем в Сан-Франциско, куда попали впервые в жизни, как вдруг зазвонил телефон. Пока я смотрела на экран, не решаясь ответить, звонок переключился на голосовую почту. Тайлер не оставил сообщения, но звонил после этого каждый день. Я не отвечала – слишком поздно, я чувствовала к нему только ненависть.

Через три недели пройдет ровно год с тех пор, как он уехал. Даже Элла потеряла надежду и превратила его комнату в домашний офис, чтобы не сидеть с документами на кухне. Тогда мы поняли, что она уже не надеется на возвращение старшего сына. Мой папочка, обрадовавшись, поспешил в хозяйственный магазин покупать бежевую краску и на следующий день кое-как перекрасил стены. Новость о возвращении Тайлера взбесит его еще сильнее, чем меня. Если, конечно, он еще не знает. Хотя, судя по Эллиной утренней конспирации, ему еще неизвестно. Чем больше я думаю об этом, тем больше злюсь на Эллу. Она заставила меня увидеться с Тайлером, даже не предупредив. А ведь я много раз давала понять, что не хочу его видеть и рада, что он не вернулся.

Теперь все опять запуталось. Как мне оставаться в городе, зная, что он здесь? Я не смогу избегать его вечно. А самое страшное – еще год назад я его любила, а теперь ненавижу.

Я не отдаю себе отчета, что снова реву, пока не заходит мама. Я зарываюсь в простыни и хлюпаю носом. Мама проходит к окну и поднимает жалюзи. Комнату заполняет мягкий послеполуденный свет. Я стону и утыкаюсь лицом в подушку.

– Так, – говорит она, и я по голосу слышу, что она скрестила руки на груди. – Вставай.

– Нет. – Я натягиваю одеяло на голову.

– Да, – решительно говорит она. – Ты уже четыре часа плачешь. Пора встать и забыть о нем. Куда ты хочешь пойти? Кофе? Поздний обед? Спа? Выбирай.

– А разве тебе не надо на работу? – бубню я из укрытия.

– Мне сегодня к восьми вечера. – Мама стягивает с меня одеяло и улыбается: – Одевайся, пойдем перемоем кости мужской половине рода человеческого. Это лучше, чем плакать, поверь. По собственному опыту знаю.

Я неохотно сползаю с кровати. За что я люблю маму – она все понимает. Отец ей тоже устроил сюрприз – шесть лет назад. Теперь она эксперт по разрывам. Правило номер один – не плакать больше четырех часов. Вот только я не уверена, распространяется ли оно на случаи, когда мужчина уходит, а потом возвращается.

У меня текут слезы и ноет сердце, но мама, как всегда, права. Что толку валяться в постели? Я провожу руками по влажным волосам и улыбаюсь маме:

– Променад. Дашь мне двадцать минут?

– Моя девочка! – Ее взгляд теплеет, она запускает в меня подушкой и выходит из комнаты.

Пытаясь хоть как-то привести себя в человеческий вид, я ставлю бодрую поп-музыку. Потом выключаю ее – действует на нервы – и начинаю сушить волосы. Я оставляю их распущенными, подкрашиваю глаза, надеваю новую футболку и самые любимые джинсы. Легче не становится.

В начале третьего мы подъезжаем к променаду. Полчаса гуляем по магазинам, но даже гигантская скидка на юбку моей мечты в Abercrombie & Fitch не поднимает мне настроение. Расплачиваясь за нее на кассе, я вымученно улыбаюсь, и мама уверена, что мне лучше.

После этого мы заходим в Pinkberry, берем по порции замороженного йогурта с ягодами и садимся на скамейку напротив Forever 21.

– Знаешь, – говорит мама, – я могу поговорить с Эллой.

– О чем? – удивляюсь я.

Мама смотрит на меня, как будто я туплю, и продолжает:

– Я не понимаю, зачем она это делает. Так нельзя – сталкивать вас лбами. Она что, сумасшедшая?

– Она не сталкивала нас лбами, – поясняю я, слегка пожимая плечом, и начинаю ковыряться ложечкой в йогурте.

Очень вкусная штука – замороженный йогурт с клубникой и голубикой, которая вернет мне не меньше половины сожженных на пробежке калорий. Плевать, сегодня мне все равно.

– Она говорила так, как будто речь идет о жизни и смерти или вроде того. Я даже спросила: «Ты беременна?»

Мама смотрит на меня с ужасом, чуть не подавившись мороженым, и начинает хохотать.

– Не может быть! Так и спросила?

– Ну да, а что тут такого, ей ведь и сорока нет. – У меня горят щеки, и я жду, пока мама перестанет хихикать.

– Господи, и придет же в голову!

И тут до нее доходит, что я отвлекла ее от темы.

– Я все равно намерена с ней поговорить.

– И что ты ей скажешь?

– Ну, например, «Держи своего сына подальше от моей дочери, пока наш муж не убил их обоих!».

По выражению моего лица она видит, что меня это не впечатлило, и дает нормальный ответ:

– Просто попрошу, чтобы Тайлер оставил тебя в покое. Если, конечно, ты действительно этого хочешь.

Мама поднимает стаканчик к лицу и пристально смотрит мне в глаза.

– Во-первых, я не хочу, чтобы ты вмешивалась. Во-вторых, что ты имеешь в виду?

– Ты уверена, что никогда, никогда, никогда больше не хочешь его видеть?

Она ищет ответ в моих глазах, словно только они могут сказать правду, и хотя я ничего не скрываю, мне становится не по себе. Зачем она вообще об этом спрашивает?

– Конечно, уверена. Кому, как не тебе, знать, каково это – когда тебя бросают.

Мама меняется в лице, и я понимаю, что сморозила глупость. Мама может говорить об отце часами, украшая свою речь яркими выражениями, и все-таки ей неприятно признавать горькую правду. Она отворачивается и говорит:

– Ладно, поехали домой, мне скоро на работу.

Мама бросает стаканчик в урну и вскакивает со скамейки, не дождавшись меня, а я только вздыхаю. Сумасшедшая. Прошло столько лет, а она так и не хочет признать, что отец ее бросил, и теперь я начинаю понимать почему. Потому что это чертовски больно.

Чувствуя себя виноватой, я встаю со скамейки и, догнав маму, плетусь позади. Мне уже дурно от йогурта, я выбрасываю стаканчик в урну и молча сажусь в машину. Мама тоже молчит. Внимательно смотрит на дорогу, беззвучно ругается, когда нас подрезают, и пару раз увеличивает громкость радио.

Меня терзает раскаяние. Терпеть не могу, когда она начинает играть в молчанку. Приглушаю музыку и говорю:

– Я не хотела тебя обидеть.

Остановившись на светофоре, она отклоняется назад и складывает руки на груди.

– Я знаю, каково это – когда тебя бросили, и ты постоянно думаешь, что сделала не так и могла ли этому помешать. Начинаешь предполагать, что ты недостаточно хороша, недостойна лучшего... Ты такого не знаешь.

Я недоуменно моргаю. Я злюсь на нее за эти слова и удивляюсь, что она так открыто выражает свои чувства. Раньше этого не было.

– Чего я не знаю?

– Сомнений, – резко произносит она и давит на газ, когда загорается зеленый свет. – Тайлер бросил тебя не из-за того, что с тобой что-то не так. Он считал, что проблема в нем. А твой отец считал, что проблема во мне. Не сравнивай. Я не понимаю, что ты чувствуешь, а ты не понимаешь, что чувствую я.

– Я думала, все в прошлом.

– Ну да.

Мама никогда не рассказывала мне, что случилось шесть лет назад. Я знаю в общих чертах. Отец считал ее ленивой пофигисткой, а она его – педантом и занудой. Не знаю, всегда ли так было. Наверное, да, потому что помню их бесконечные ссоры. Когда мне было лет двенадцать, отец прожил неделю у своего кузена Тони. Мама улыбалась и говорила, что он скоро вернется, но сейчас я понимаю, что уверенности у нее не было. Он оставался у кузена все чаще. Когда мне было тринадцать, я его пару дней не видела и спросила: «Он снова у Тони?» Мама заплакала и сказала, что нет. С тех пор она постоянно плакала. Я понимала, что она тяжело перенесла развод и никогда не станет прежней, однако она не делилась со мной своими переживаниями. Я боялась спрашивать, а она не осмеливалась говорить. До сих пор.

– Ты и сейчас считаешь, что недостаточно хороша? – помолчав, спрашиваю я.

– А как ты думаешь? – взрывается она, в отчаянии вскидывая руку. – У него теперь Элла – натуральная блондинка с идеальной фигурой, у которой никогда не отрастают долбанные седые корни и нет гусиных лапок, она ездит на долбаном «ренджровере» и работает чертовым адвокатом. А я не сумею приготовить съедобное жаркое даже под страхом смертной казни, хожу на работу в больничном халате вместо костюма и разбила гребаный «вольво». Конечно, я для него недостаточно хороша. Твой отец перфекционист, а мне далеко до совершенства.

– По-твоему, Элла – совершенство? – кричу я.

Мне почему-то хочется защитить Эллу. Три года назад она встретила меня с распростертыми объятьями, и с тех пор я видела от нее только хорошее. Поэтому мамины слова меня злят, и я становлюсь на сторону мачехи:

– Ты не в курсе, что она тоже прошла через развод? А сколько ей пришлось пережить с Тайлером! Ты не думаешь, как она живет, осознавая, что ее муж годами избивал их сына, а она даже не замечала? Ты не думаешь, что она каждый день просыпается с чувством вины? Ей не легче, так что лучше помолчи!

На самом деле я хочу сказать: «Ты лучшая на свете мама. Пусть тебе приходится каждые три недели подкрашивать отросшие корни, зато у тебя очень красивые волосы. У тебя морщинки в уголках глаз, но ты такая красавица, что это неважно. Да, ты не самый лучший водитель, но в конце концов всегда добираешься от точки А до точки Б. Ты не адвокат, а прекрасная медсестра, которая умеет облегчить страдания, и не только в больнице. Ты не Элла, и я этому рада».

И еще: «Тебе повезло больше. У тебя есть Джек, и он очень славный. А у Эллы – отец, и он сволочь. Кто в выигрыше?»

Только я ничего этого не говорю, потому что она меня раздраконила.

– Ну конечно. – В мамином голосе звучат раздражение и обида. – Она твоя вторая мама, ты ее защищаешь. Похоже, ты променяла меня на нее, как и твой отец.

Я возмущенно смотрю на нее:

– Да что с тобой такое? Откуда столько злости?

Мама включает музыку на всю громкость, так что я перестаю слышать даже собственные мысли, сердито шурит глаза и сжимает губы. Я тоже молчу. Отодвигаюсь от нее как можно дальше, складываю руки на груди и специально забрасываю ноги на приборную доску, потому что это выводит ее из себя. Она не реагирует.

Всю дорогу орет музыка. Мама выключает ее только перед самым домом. Когда мы останавливаемся, она не глушит двигатель и не выпрыгивает из машины, как обычно. Наверное, хочет извиниться. Я поднимаю глаза от пола и жду. Черты ее лица разгладились, напряжение исчезло, но она вдруг широко распахивает глаза и удивленно смотрит куда-то мне за спину. Я резко оборачиваюсь. На коврике у двери сидит, нервно теребя низ белой футболки, не кто-нибудь, а долбаный Тайлер Брюс, собственной персоной.

Теперь он не улыбается. Просто встает с порога и ждет. Неизвестно чего.

– Знаешь, в чем разница между твоим отцом и Тайлером? – спокойно говорит мама. – Твой отец не вернулся.

Глава 5

Как я ни умоляю маму уехать, она отказывается. Выключает двигатель, вертит на указательном пальце ключи от машины и молчит, словно воды в рот набрала. Не уговаривает, не утешает. Мне ничего не остается, как выйти из машины и встретиться лицом к лицу с человеком, на которого я не могу смотреть.

Я еле волочу налитые свинцом ноги, оглядываясь через плечо на маму и посылая ей глазами безмолвный сигнал бедствия, но она лишь пожимает плечами и устремляется к черному ходу, чтобы не мешать нам. Какая трогательная забота!

Тайлер стоит на крыльце, засунув руки в карманы джинсов, и нервно кусает губы.

Я останавливаюсь в нескольких метрах от него и замечаю на щеке красноватое пятно. Мне так стыдно, что я не могу даже посмотреть ему в глаза.

– Извини, что ударила, – говорю я, не поднимая головы.

Он пожимает плечами и трогает щеку.

– Ничего страшного.

Наступает неловкое молчание, от которого мне хочется плакать. Почему так случилось? Как мы до такого дошли? Когда вспоминаю причину, меня вновь охватывает ярость, я с трудом сдерживаюсь. Слышно, как по дороге проезжают машины.

– Ты можешь поехать со мной?

Я наконец осмеливаюсь посмотреть ему в глаза.

– Куда?

– Не знаю, я бы хотел с тобой поговорить.

В его глазах – тревога. Он боится, что я откажусь.

– Пожалуйста, Иден.

– Не о чем нам разговаривать.

– Нет, есть.

Несмотря на мое отчаянное сопротивление, я тону в его зеленых глазах, которые всегда обладали надо мной властью. Как я любила эти глаза! Теперь я их ненавижу. Он приготовился к спору, но я не собираюсь спорить с тем, с чем согласна. Тайлер прав: нам есть о чем поговорить, просто я не хочу.

Что делать? Больше всего мне хочется вбежать в дом и запереть за собой дверь, однако я понимаю, что все равно от него не отделаюсь. Надо покончить с этим раз и навсегда.

Я молча киваю, он облегченно вздыхает и достает из заднего кармана ключи от машины, а я ловлю мамин взгляд из-за шторы в гостиной. Заметив, что я смотрю на нее, она наклоняется и исчезает из виду. Я вспоминаю нашу ссору. Мне сейчас легче говорить с Тайлером, чем с мамой.

Что-то не видно его роскошной тачки. Я оглядываюсь по сторонам, вспоминая навороченную спортивную «ауди», которую трудно не заметить: элегантную, отполированную до зеркального блеска, с антрацитово-черными дисками. Однако Тайлер ведет меня к другой машине, припаркованной через дорогу. Черная, четырехместная, колеса покрыты засохшей грязью, а по пассажирской двери тянется пара царапин. Достаточно популярная модель «ауди», которых в городе полно, и не новая. Я удивленно смотрю на него, но он лишь пожимает плечами и говорит:

– Купил машину попроще.

– Почему?

– Поменял приоритеты, – серьезно отвечает он.

Я сжимаю губы и отвожу взгляд. В машине пахнет незнакомым одеколоном. На зеркале заднего вида висят три освежителя воздуха в форме деревьев. Чтобы не пялиться на Тайлера, я

рассматриваю салон. Под ногами валяются какие-то брошюры, на приборной панели собралась пыль, на заднем сиденье разложены несколько футболок. Черные кожаные сиденья порядком вытерты.

Несколько минут едем молча, радио выключено, слышно только гудение кондиционера. Тайлер нарушает тишину:

– Мне нравится твоя новая прическа.

Я еще немного не в себе от его появления и не понимаю, о чем он говорит. Опускаю солнцезащитный козырек, вытаскиваю маленькое зеркальце и рассматриваю свое отражение. Ну да, прическа. Мои волосы были в два раза длиннее, а сейчас едва прикрывают плечи.

Ставлю на место козырек и опускаю глаза на прореху в джинсах.

– Угу.

Во мне многое изменилось. Я почти перестала пользоваться косметикой, потому что она размазывалась, когда я плакала. Поменялся и характер. Раньше я была спокойной и собранной, а теперь могу выйти из себя от любой мелочи, потому что меня переполняет ненависть. А еще я набрала пару лишних килограммов.

Многое изменилось, слишком многое.

Я втягиваю живот и приподнимаю колени, чтобы ноги не казались такими толстыми. Расслабляюсь только тогда, когда вижу, что внимание Тайлера полностью приковано к дороге.

Мы практически выехали из города. Час пик, дорога забита, и тишина кажется еще более тягостной. Я не начинаю разговор, потому что мне нечего сказать. Поговорить хотел он, а не я. В неловком молчании проходит целый час. Позади остались Беверли-Хиллз и Вест-Голливуд, и только когда Тайлер сворачивает на Норт-Бичвуд-Драйв, до меня доходит.

– Куда мы едем?

Не глядя на меня, Тайлер пожимает плечами и грустно вздыхает:

– Не знаю, как ты, а я давненько здесь не был. – И поднимает глаза на гигантские буквы вдалеке.

– Нет уж, я туда не пойду. Ты рехнулся? На улице сорок градусов жары.

– Пойдешь, – спокойно отвечает он, – у меня с собой вода.

Я начинаю лихорадочно придумывать причины, почему не могу в данный момент карабкаться на Голливудский холм: я в своих лучших джинсах и новой футболке; мне это неинтересно; сейчас слишком жарко; и наконец, я не хочу идти туда с Тайлером. Но это еще утомительнее, чем само восхождение. Поэтому я молчу и хмурю брови.

Мы проезжаем мимо поворота на ранчо «Сансет» и останавливаемся на небольшой стоянке, откуда начинается пешеходная тропа. Как и Тайлер, я здесь сто лет не была. Собственно, я поднималась к знаку один раз в жизни, три года назад, и тогда все было совсем иначе. Тайлер глушит мотор, выходит из машины и смотрит в небо. Я тоже покидаю салон, подхожу к нему и заявляю:

– Я не собираюсь туда идти, понял?

Он открывает багажник, полный всякого хлама – бумажки, куртка, какие-то провода, пустые банки из-под пива, – достает бутылку воды и протягивает мне.

– Пошли!

Я медленно плетусь за ним, размахивая бутылкой с теплой водой. Если Тайлера это и раздражает, то он не подает виду. Через несколько минут я осознаю, что веду себя как капризный ребенок, и ускоряю шаг. Мы молча идем дальше. Навстречу едут какие-то девчонки верхом на лошадях, проходит пара мужчин среднего возраста, видно, фотографировались на фоне надписи. Все это время мы тонем в молчании. За год разлуки мы потеряли все: понятные только нам шутки, пронизательные взгляды, наши особенные моменты и клятвенные обещания, наше мужество и нашу тайну. Потеряли любовь и страсть. Осталось только молчание.

Мы поднимаемся все выше по тропе, ни разу не остановившись отдохнуть. Я начинаю идти задом наперед, потому что отсюда открывается умопомрачительный вид. Уж лучше смотреть на город, чем на Тайлера.

Мне становится грустно. Зачем я тащусь под палящим солнцем вверх по склону, поднимаясь к кучке букв на горе? В прошлый раз я поднималась сюда с друзьями, во всяком случае, так я считала. Тогда все было проще и все казались лучше. Тиффани, Рейчел, Меган, Джейк, Дин. Мы беспечно смеялись, передавали друг другу воду, перелезали через изгороди. За эти три года мы пережили многое: ссоры, падения, разрывы. Мы выросли.

Правильно сказал Тайлер прошлым летом в Нью-Йорке: мы разошлись, отдалились, практически прекратили общение, после школы каждый пошел своей дорогой. Наши колледжи разбросаны по всей стране. Иллинойс, Огайо, Вашингтон, Калифорния. Пару месяцев назад я узнала от Рейчел, что Дин в этом году поступил в Беркли. Конечно, сам он мне не сказал: была охота общаться с бывшей девушкой, изменившей ему с лучшим другом! Я знаю, Дин меня ненавидит, но я хочу, чтобы у него было все хорошо, и мне до сих пор жаль, что я так с ним обошлась. Я рада, что он будет учиться в Беркли, о котором так мечтал.

Далеко внизу виднеется Бербанк. Я этого не помню. В прошлый раз меня интересовала только надпись. Солнце слепит глаза – в отличие от Тайлера, я не захватила солнечные очки.

– Это все долина Сан-Фернандо, – показывает он вниз.

– Знаю, – сухо роняю я. – Я здесь живу, между прочим.

А вот и он, знаменитый голливудский знак. Огромные буквы, привлекающие внимание миллионов туристов, гордо возвышаются на склоне Маунт-Ли. Их защищает изгородь и видеокамеры, которые вдребезги разбивают мечты тысяч людей – потрогать буквы не получится.

Вокруг ни души, мы одни. Тайлер подходит к сетке и вздыхает.

– Ты намерен перелезть? – спрашиваю я.

Мне совсем не хочется проходить через это снова: дотронуться до буквы, а потом лететь вниз по склону горы, рискуя напороться на полицию или сломать себе шею. Я сажусь на тропинку, скрестив ноги. Земля теплая.

Тайлер оборачивается и смотрит на меня через плечо. Сейчас он выглядит старше своего возраста. Он повзрослел. Слишком повзрослел.

– Нет.

Он подходит ближе и садится на землю почти рядом со мной, вытянув ноги вперед и опираясь на руки. Его тревога передается мне, и по виску стекает струйка пота. Это просто от жары, говорю я себе.

Даже не верится, что совсем рядом шумный, наполненный движением город. Здесь тихо. Я вспоминаю крышу дома в Нью-Йорке, где мы чувствовали себя отрезанными от всего мира.

Тайлер молчит. Зеленые глаза слегка прищурены и устремлены вдаль, губы плотно сжаты. Впервые с сегодняшнего утра я позволяю себе его рассмотреть. У него отросли волосы, а на лице – трехдневная щетина, которая мне когда-то так нравилась. Я перевожу взгляд с лица на руки и вдруг замечаю свое имя. То ли не обращала внимания, то ли временно ослепла – совсем забыла об этой татуировке. Я и раньше считала ее глупостью, а сейчас – тем более. Буквы чуть потускнели, зато вокруг них теперь целая картина, занимающая почти всю верхнюю часть руки: циферблат часов и переплетенные венки роз. Очень красиво получилось, но я думаю только об одном: почему он не убрал мое имя?

Я сглатываю и отворачиваюсь. На моем запястье больше нет набитых тогда слов, их закрывает летящая голубка, которую я заполучила на весенних каникулах в Сан-Франциско. Рейчел решила украсить свою попу цветочной композицией, и когда подруга наконец перестала рыдать от боли, а я – от смеха, она сунула мне стопку альбомов:

– Выбирай!

Я заявила, что с меня хватит татуировок, а она ответила, что мне нужно изменить старую, и я согласилась. Художник сказал, что голубка символизирует новое начало, ну, там Ной с его ковчегом и все такое. Я не слишком религиозна, однако новое начало мне пришлось по душе. В тот день я окончательно перестала ждать Тайлера, и слова «No te rindas» – «Не сдавайся!» – навсегда исчезли. Я прячу руку и закусываю губу, чувствуя себя виноватой, что уничтожила девиз, согласно которому мы прожили наше лето. Тайлер тяжело вздыхает, понутив голову.

– Ты на меня злишься, – говорит он.

– Ты удивлен?

Он медленно поднимает голову и ловит мой взгляд.

– Я не знал, как ты к этому отнесешься. Но почему-то думал...

– Что я обрадуюсь? – перебиваю я. Как ни странно, я почти спокойна. Хотя мы оба говорим негромко и мягко, атмосфера постепенно накаляется. – Что я буду ждать тебя целый год?

– Наверное, да... Я думал, ты поймешь, – еще тише произносит он и вновь тяжело вздыхает.

Я долго молчу, пытаюсь привести в порядок спутанные мысли, затем набираю воздуха и начинаю объяснять:

– Сначала так и было. Я поняла, что на тебя слишком много всего навалилось. Твой отец, наши родители... мы.

Я запинаюсь на последнем слове, отвожу взгляд от Тайлера и снова смотрю на знак, сжимая в руке бутылку с водой.

– Ты никогда не задумывался, что мне тоже было нелегко? Ты сбежал, как последний трус, оставил меня разгребать дерьмо. Я смогла уехать в Чикаго только в сентябре, мне пришлось сидеть в городе два месяца. Отец не пускал меня на порог и не разговаривал со мной, только угрожал, что не будет оплачивать учебу. Элла не могла смотреть мне в глаза, и ты вообще разить не можешь, что вытворял Джейми. Ты, мать твою, даже не представляешь себе, какая он сволочь, ведь тебя здесь не было. Он ненавидит нас обоих. И кстати, весь город о нас знает. Люди шепчутся у меня за спиной и смотрят, как на последнюю шлюху. Ты ничего не знаешь, потому что сбежал. А я осталась. Одна. Я так хотела услышать твой голос, мне так нужно было, чтобы ты просто сказал: «Все будет хорошо», а ты ни разу даже на звонок не ответил.

Тайлер молчит, внимательно вглядываясь мне в глаза. Я тяжело дышу, у меня горят щеки. «Не плакать! – повторяю я как молитву. – Не плакать, не плакать, не плакать!»

Как я его ненавижу! И я не заплачу.

– Я не знаю, что тебе на это сказать, – тихо, почти шепотом говорит он. Его голос предательски дрожит.

– Для начала мог бы извиниться.

Взгляд исподлобья. В глазах – тревога и боль. Лоб пересекает глубокая морщина. Тайлер поворачивается и кладет руку мне на колено:

– Извини. Мне очень жаль.

Я смотрю на его руку. Прикосновение мне неприятно. Сжав губы, я сбрасываю руку и поворачиваюсь к городу. Воздух подернут дымкой, но Голливуд красив в любую погоду. Разглядывая панораму Лос-Анджелеса, я гадаю, что значит для Тайлера это «извини». Он жалеет, что уехал? Или что наша семья ополчилась против меня? Что так долго не приезжал? Или что все испортил?

Тут простого извинения недостаточно.

– Мне правда жаль, – говорит он и сжимает мою руку. – Черт, мне очень жаль. Я не знал.

– Ну да, конечно.

Я вырываю руку и отталкиваю его, потому что меня это бесит.

– А на что ты надеялся? Думал, вернешься и все обрадуются? Я буду любить тебя по-прежнему, наши родители сойдут с ума от счастья, и все будут считать нас крутыми? Так вот, мой отец по-прежнему в бешенстве, все считают нас уродами...

В заключение я произношу, глядя ему прямо в глаза:

– И я больше тебя не люблю.

Тайлер отшатывается, как от удара. Он в смятении. В его взгляде – миллионы вопросов. Он упирается локтями в колени и прижимает руки к лицу, а затем проводит ладонями по волосам. Его руки падают, словно подстреленные птицы, и он поднимает голову к небу, закрыв глаза.

Мне хочется домой. Что я здесь забыла? Я подбираю несколько камешков и швыряю в сторону изгороди, надписи, города. Это меня отвлекает: как бы я ни уговаривала себя, что мне безразлично, я не хочу видеть его мучений.

– Почему?!

– Что «почему»? – Моя рука висит в воздухе.

– Почему ты... – Его голос срывается, он недоуменно трясет головой. – Что случилось?! Что... поменялось?!

Я опускаю руку и презрительно смеюсь:

– Ты шутишь? Ты издеваешься, на фиг?

У меня темнеет в глазах, сейчас взорвусь от злости. Я закрываю глаза, глубоко дышу и считаю до трех, а затем открываю их и смотрю на этого кретина.

– Ты пропал на целый год и надеялся, что я буду сидеть здесь и ждать, пока ты соизволишь вернуться? Так вот, я училась в колледже, встречала замечательных людей, и, несмотря на всю эту чушь, с которой мне приходилось справляться, у меня был чертовски хороший год. Если ты до сих пор этого не понял, пойми: я прекрасно обхожусь без тебя! Я способна прожить свою жизнь без великого Тайлера Брюса!

Мой запал кончается, и я умолкаю, хотя еще много чего могла бы сказать. Но я не намерена говорить ему всей правды. Я не скажу ему, сколько слез пролила в первые дни после его отъезда, не признаюсь, что причина лишних килограммов – мороженое и сладости, которыми я заедала горе, и он никогда не узнает, что чем дольше его не было, тем больше во мне накапливалось злости.

– Поехали со мной, – слишком быстро говорит Тайлер надломленным голосом. – Поехали со мной, хоть на пару дней, и я тебе покажу, чего я добился, и насколько лучше стал, и как я сожалею... Позволь мне... позволь... – Он переводит дыхание и произносит едва слышно: – Позволь мне все исправить.

– Куда мы поедem? Твой дом – здесь.

– Нет, – убежденно заявляет он, глядя на меня такими умоляющими глазами, что мне становится неловко. – Я здесь больше не живу. Просто приехал на пару дней, чтобы... увидеть тебя. Я приехал вчера вечером, и мама поселила меня в дурацкий модный отель возле школы, чтобы не узнал твой отец. В понедельник возвращаюсь домой.

– Что? – тупо моргаю я, не в силах сообразить, что он говорит.

Наверное, я что-то пропустила. Куда он возвращается? Его дом – здесь. Он должен снова влиться в свою семью, должен возмущаться, что его комнату превратили в кабинет, и ссориться с Джейми. Вот что означает приехать домой.

– Ты снова уезжаешь?

– Да, – кивает Тайлер. – И я хочу, чтобы ты поехала со мной. Я теперь живу в Портленде...

– В Портленде? – Я прерываю его так резко, что он замирает с открытым ртом. – В Портленде?!

– Это первое, что пришло мне в голову, – признает он.

Я сжимаю бутылку с водой так сильно, что она сейчас лопнет. Вскидываю на ноги.

– Ты все это время был в Портленде?!

Да, я ненавижу Портленд. И мне должно быть безразлично, где был Тайлер, потому что это не имеет значения. Какая разница, где он прожил этот год, бросив меня. Но меня возмущает тот факт, что он жил в моем родном городе, ходил по улицам, которые я считала своими. Он не имел права забирать у меня мой город. Почему из всех городов в этой проклятой стране он выбрал именно Портленд? Еще больше меня удивляет, что я ничего не знала. Я целый год терялась в догадках, куда он пропал. Вначале я думала, что он снова поехал в Нью-Йорк. А ему оказалось достаточно гребаного Портленда с его гребаными дождями и гребаными горами.

– Поехали со мной, – умоляет Тайлер. Встает, делает шаг и обнимает меня за талию. – Пожалуйста, поехали со мной. Дай мне шанс исправить все это дерьмо. Хоть на несколько дней, и клянусь: если ты решишь, что я того не стою, то уедешь обратно. Это все, чего я прошу.

Я внимательно смотрю в глаза, которые совсем не изменились. В них легко прочесть все его тайны и скрытые чувства. Я вижу ужас, страх и боль. Невозможно поверить, что я так любила этого человека. Остались только обида и презрение. Нет, я не поеду с ним в Портленд.

– Все, поговорили, – шепчу я и снова отталкиваю его. Он сжимает зубы, засовывает руки в карманы и смотрит на меня с такой болью, что я отворачиваюсь. Ему больше нечего сказать. Я в последний раз окидываю взглядом панораму города и медленно отхожу назад. – Все кончено, Тайлер.

Глава 6

Обратная дорога кажется мне еще невыносимее. Спускаясь с горы, я шла впереди, а Тайлер плелся метрах в двадцати сзади. Теперь мы молчим, сидя вдвоем в замкнутом пространстве. Мы сказали друг другу все, что считали нужным. В воздухе висит напряжение, но я рада, что мы перевернули эту страницу. Пробки рассосались, дорога свободна. Нас не было четыре часа; надо написать маме, что я еду домой, но потом я вспоминаю, что мы поссорились, и стираю сообщение. Краем глаза смотрю на Тайлера. Он держит обе руки на руле и смотрит прямо на дорогу пустым взглядом. Вместо мамы пишу Рейчел. Она рада весточке, потому что бабушка с дедушкой, как обычно, ее достали. Я рассказываю ей все: как Элла заманила меня в засаду, как я поссорилась с мамой, как Тайлер поджидал меня возле дома и потребовал разговора и о чем мы говорили. И что Тайлер все это время скрывался в Портленде, и о его безумной просьбе поехать с ним.

Рейчел скоро на ответ:

«Вернулся? О господи, ты правда его ударила? А что он забыл в Портленде? Без обид. Он возил тебя к знаку? Надеюсь, ты его не простила».

Переписка с Рейчел немного скрашивает обратную дорогу.

* * *

Мы возвращаемся почти в семь вечера. Солнце клонится к горизонту, и я неотрывно наблюдаю за закатом, пока не замечаю, что Тайлер свернул на Дидре-авеню, к отцовскому дому. Я поднимаю солнцезащитный козырек и поворачиваюсь к нему:

– Я живу у мамы.

– Знаю, – не глядя мне в лицо, отвечает Тайлер, глушит двигатель и отстегивает ремень. – Дело в том, что моя мама хочет видеть нас обоих.

Он открывает дверь, но почему-то не выходит. Проследив за его взглядом, я вижу на подъездной дорожке отцовский «лексус». Отец дома. А где ему еще быть? Обычно он приезжает с работы в начале седьмого. Джейми тоже здесь – колеса его «БМВ» прижаты к бордюру. Элла сто раз говорила ему, чтобы не гробил диски, но это ведь Джейми, ему все пофиг.

– Ты понимаешь, что мой отец вызовет полицию или еще что-нибудь устроит? Он ненавидит тебя даже сильнее, чем меня, – говорю я.

Тайлер захлопывает дверцу, и я начинаю надеяться, что все же попаду сегодня домой. Не тут-то было: он достает мобильный и звонит Элле. С тех пор как мы спустились с холмов, Тайлер старательно избегает смотреть мне в глаза, и мне трудно понять, что он чувствует – расстроен или злится.

– Привет, мы возле дома, – говорит он, когда Элла берет трубку. – Я думал, ты не хочешь, чтобы Дейв знал о моем приезде.

Выслушав ответ, он бросает взгляд на меня и понижает голос:

– Мам, ты же знаешь, он вцепится мне в глотку, если я появлюсь на пороге с Иден.

Снова пауза. Мне до смерти любопытно, что скажет Элла.

– Ладно, как хочешь, – говорит Тайлер и кладет трубку.

Я вопросительно поднимаю брови.

– Мы зайдем с черного хода.

Миленькое объяснение! Мне ничего не остается, кроме как последовать его примеру и выйти из машины. Трава на газоне жутко сухая, местами виднеются коричневато-желтые пятна, но мы вынуждены с этим мириться, как и все жители штата. Если включить полив,

можно схлопотать штраф за неэкономное пользование водой во время засухи. С апреля не было дождя.

Тайлер идет быстрым, решительным шагом, словно выполняет секретную миссию и хочет успеть, пока его не поймали. Собственно, так и есть: он избегает встречи с моим отцом. Мне она тоже ни к чему, поэтому я чуть ли не наступаю ему на пятки. Мы проходим по иссохшему газону во внутренний дворик. На дне пустого бассейна валяется парочка футбольных мячей. Внезапно появившаяся за стеклом Элла торопливо открывает раздвижную дверь и запускает нас в дом, прижимая палец к губам. Мачеха в деловом костюме, но без туфель.

– Стой в коридоре, пока не позову, – шипит она Тайлеру, а меня хватает за руку и тащит через кухню.

Я все еще не понимаю, что происходит и зачем меня сюда позвали. Элле не смущает, что мы с Тайлером вместе, у нее какие-то свои соображения.

– Можно спросить? – бормочу я.

Она ослабляет хватку и оглядывается на меня через плечо:

– Да.

– Что все это значит?

– Семейное собрание, – не поведя бровью, заявляет Элла и бросает строгий взгляд на Тайлера, озадаченного не меньше меня. – Жди здесь.

Он прислоняется к стене и засовывает руки в карманы. В гостиной на другом конце коридора работает телевизор и слышен голос отца.

– Извини, – говорит мне Элла, когда мы оказываемся в комнате.

Я не понимаю, за что она извиняется, меня охватывают тревога и неуверенность. Зачем она привела меня сюда? Сначала столкнула с Тайлером, теперь с отцом. Может, это выпад против отца? Он развалился на диване с чашкой кофе в руке, поставив ноги на кофейный столик, и даже не считает нужным уменьшить звук.

– Смотрите, кто пришел! – иронично замечает папочка и непринужденно отхлебывает из чашки.

Мы не виделись почти неделю.

– Я же говорил тебе, что она вернется, – подает голос Джейми, который сидит на полу с ноутбуком, опираясь спиной на диван. Чейз лежит на диване с телефоном и в наушниках; помимо этого, он даже не заметил нашего прихода.

– Надолго к нам пожаловала? – насмешливо спрашивает отец и садится повыше, чтобы удобней было паясничать.

Убирает ноги со стола, ставит туда чашку и смотрит на меня с презрением и ноткой грусти, всем своим видом показывая, как ему не повезло с дочерью.

– Неделю? Несколько дней? Сколько ты планируешь у нас погостить, Иден? Или прямо сейчас прыгнешь в машину и уедешь, как чертово невоспитанное отродье?

Я отвечаю таким же презрительным взглядом с легкой грустинкой: как мне не повезло с отцом!

– Не заводишь, я не собираюсь здесь оставаться.

– Вот как? А зачем тогда приехала? – сердито говорит он, и я вижу в его глазах страх.

Он словно не понимает, что между отцами и дочерьми бывают отношения, когда они просто хотят видеть друг друга. К счастью для нас обоих, я приехала не по своей воле, и ему не стоит волноваться, что я захочу поболтать с ним о жизни.

– Я не знаю, зачем я здесь. – Скрестив руки на груди, я хмуро поворачиваюсь к Элле: – Не объяснишь?

Видно, что мачеха волнуется даже сильнее, чем когда привела меня к Тайлеру. И неудивительно. Я бы на ее месте тоже волновалась. Отцу возвращение Тайлера понравится еще

меньше, чем мне. Тем не менее она выходит на середину комнаты, по пути выдернув из уха Чейза наушник, и властно говорит отцу:

– Выключи телевизор!

– Я жду прогноза погоды! – недовольно отвечает он.

– Солнечно и сухо, на небе ни облачка, – вот тебе прогноз погоды, – говорит Элла, становясь в вызывающую позу. – Выключи.

Отец недовольно тянется к пульта. Он не привык, чтобы с ним разговаривали приказным тоном.

– Джей, – говорит Элла, но тот делает вид, что не слышит, и продолжает строчить что-то в твиттере. Наверное, снова жалуется на свою непутевую семью.

Элла произносит более строго:

– Джейми!

Он вскидывает голову, театрально вздыхает и закрывает ноутбук.

– Все должны бросить свои дела только потому, что появилась Иден?

– Это здесь ни при чем, – отвечает Элла более мягким тоном.

Меня раздражают бесконечные нападки Джейми, и я перебиваю Эллу:

– Ты когда-нибудь успокоишься?

– А ты? – парирует Джейми.

Элла трогает руками виски.

Я бросаю на него сердитый взгляд:

– Да что тебе неймется?

Я давно не обращаю внимания на отцовские придиры, но выпады Джейми меня бесят. Отцу нравится, что мы с Джейми на ножах. Это оправдывает его мнение, что со мной одни проблемы.

– Замолчите оба, – требует Элла таким тоном, что мы немедленно замолкаем.

– Мы что, переезжаем? – невозмутимо спрашивает Чейз, вынимая из уха второй наушник и наматывая провода на указательный палец. – Предлагаю Флориду.

Элла отрицательно качает головой. Семейные собрания для нас – дело непривычное. Собственно, это первое в своем роде. Наверное, потому, что мы не настоящая семья. Близкие люди не ненавидят друг друга. У них не такие натянутые отношения. Впрочем, мне не приходится иметь дело со сводными братьями и сестрами, которые влюбляются друг в друга.

С тех пор как прошлым летом мой отец и Элла узнали о нас с Тайлером, между ними будто черная кошка пробежала. Они вечно спорят, без конца выясняют отношения. Бывает, по несколько дней молчат. На каникулах отец позволяет мне жить у них каждую вторую неделю только ради соблюдения приличий. Мне тоже, я соглашаюсь только ради Эллы и Чейза.

Джейми бунтует. Он не хочет иметь ничего общего с этим недоразумением, которое называется семьей, он нас стыдится. Тайлер не в счет – уехал. Похоже, Чейз – единственное, что нас связывает. Он мало что понимает, ни в чем не виноват и относительно счастлив.

Наша семья разбилась на мелкие осколки, которым не дано сложиться в безупречную картину. Как ни старайся, ничего не получится.

– Мы никуда не переезжаем, – объясняет Чейзу отец и тут же бросает вопросительный взгляд на Эллу.

Та кивает.

– А в чем тогда дело?

– Я прошу всех сохранять спокойствие, – начинает Элла и обводит глазами всех присутствующих, в том числе и меня, словно мне неизвестно, какую новость она хочет преподнести, словно я не знаю, что в коридоре прячется Тайлер.

Она смотрит на отца дольше, чем на остальных, и продолжает:

– Особенно тебя, Дейв.

– Надеюсь, тебя не уволили с работы, – бормочет отец.

Элле наконец удалось завладеть его вниманием. По-моему, он даже немного разволновался. Не в привычках Эллы собирать собрания и толкать речи.

– Новая машина? – гадают Джейми.

– На тебя подали в суд? – предлагает свой вариант отец. Он явно напуган.

– А что, на адвоката можно подать в суд? – удивляется Чейз.

Элла громко вздыхает и в отчаянии воздевает руки:

– Вы можете не пороть чушь и помолчать минутку?

Все затыкаются. Наступает полная тишина. Мы вчетвером смотрим на Эллу и ждем, а она упорно молчит. Не знай я, что происходит, точно сошла бы с ума, потому что Элла продолжает ходить взад-вперед по комнате, тихонько бормоча что-то себе под нос. Наверное, проверяет, как будет звучать правда, произнесенная вслух. Надо же, боится сообщить своей семье новость о прибытии собственного сына!.. Я не выношу Тайлера, но мне ее прямо жалко становится.

– Мы бы не пороли чушь, если бы ты сказала, в чем дело, – сухо замечает отец, наклоняясь вперед и складывая руки на коленях.

Элла останавливается и смотрит на меня в поисках поддержки и одобрения. Я обнимаю себя за плечи и присаживаюсь на диван рядом с Чейзом. Он добродушно улыбается мне и переводит взгляд на мать.

Мы ждем. Я пережила то же самое сегодня утром, когда Элла не решалась мне сказать, что Тайлер вернулся и нам грозят беспорядки.

– Послушайте, – наконец говорит она, хотя мы давно ее слушаем. – Ничего неожиданного: мы знали, что рано или поздно это случится. Вы должны иметь в виду, что многое изменилось, и все уже не так, как раньше, поэтому не нужно закатывать истерики.

Мы на секунду встречаемся взглядами, и я отлично осознаю, что она подразумевает под изменениями. Она имеет в виду: больше не о чем волноваться, Иден и Тайлер теперь не вместе, они не извращенцы, они уже нормальные. А мне кажется, что мы всегда были нормальными.

Отец выпрямляет спину:

– Элла... господи... Нет! Только не говори, что этот проклятый мальчишка переезжает к нам!

– А если я скажу? Он имеет право здесь жить. Он мой сын.

– Подождите! – вскакивает Джейми. – Тайлер возвращается?

– Нет, не возвращается, – чеканит отец, глядя не на Джейми, а на Эллу. Он встает, нависает над ней и сверлит ее взглядом, который могут выдержать только очень смелые люди. – Я этого не потерплю, и не мечтай! Если это и есть твоя сногшибательная новость, то зря стараешься.

– Если бы он захотел вернуться, то вернулся бы, – твердо говорит Элла. Она относится к тем немногим, кто может выдержать взгляд отца. – Но он не хочет. Просто погостит несколько дней.

– Когда?

– Он уже здесь, – еще спокойнее говорит Элла и с высоко поднятой головой идет к двери. Она готова на все, чтобы защитить Тайлера, и это достойно восхищения.

– Здесь? – недоверчиво повторяет отец. – Где «здесь»?

Элла не отвечает, а проходит к двери и исчезает на мгновение в холле. Мне становится не по себе. Не хотела бы я сейчас оказаться в шкуре Тайлера!

– Не вздумай что-нибудь выкинуть, – шипит на меня отец, когда Элла скрывается за дверью, как будто думает, что я брошусь Тайлеру на шею и начну целовать его на глазах у всего честного народа. Между прочим, милый папа, я давно им переболела.

– Мне пофиг твой Тайлер, – говорю я вслух.

На самом деле мне неловко и неприятно, что он вернулся. Однако объяснять что-то отцу – неблагоприятное и бесполезное занятие. Ни он, ни Джейми не верят, когда я говорю, что между нами все кончено. Отец как-то заявил, что если мы лгали раньше, то можем лгать и сейчас.

В дверях появляются Элла с Тайлером. Он проходит через всю комнату и останавливается перед окном. Элла остается у двери.

– Мама права, – говорит Тайлер напряженным и звонким голосом. – Я не возвращаюсь. Я приехал посмотреть, как вы тут. И в понедельник уезжаю обратно. – Его губы складываются в легкую улыбку. – Потерпите меня пару дней?

Никто не улыбается шутке, и становится очевидно, что Тайлер недооценил напряженность в семье. Никто даже не пытается сказать: «Да ладно, парень. Ты нас всех очень разозлил, но это было давно, и мы пережили эту неприятность», потому что никто так не думает. Никто ему не рад. Кроме Эллы и, возможно, Чейза.

Он стоит перед нами, одинокий, и мне вновь становится его жалко. Я знаю, как это больно, когда все против тебя.

– Ты с ума сошла? – злобно выплевывает слова отец, сверкая глазами.

Элла бросается его успокаивать.

– Зачем ждать понедельника? – Джейми делает шаг к Тайлеру, словно намерен устроить драку. Они уже почти одного роста. – Проваливай сейчас! Тебе никто не рад, кроме... мамы. И твоей... девушки, наверное.

Он бросает на меня уничижительный взгляд.

Тайлер в смятении хмурит брови и стискивает зубы. Невозможно поверить, что несколько лет назад Джейми чуть ли не молился на него.

– Ты что, парень?

Он смотрит на меня, как будто просит объяснить, что случилось с его братом.

– Я тебя предупреждала, – громко говорю я, но вспоминаю, что Джейми назвал меня его девушкой, и поворачиваюсь к нему: – Черт побери, Джей, ты думаешь, я в восторге от его приезда? Так вот, я не в восторге. Он мне нужен, как прошлогодний снег.

Джейми скрипит зубами и обращается к Тайлеру:

– Как видишь, тебе нечего здесь делать. Убирайся.

– Почему ты такой бешеный? – потерянно спрашивает Тайлер. Он не понимает, почему все изменилось, и от этого кажется еще более уязвимым и жалким. Слишком давно его здесь не было. – Я понимаю, почему злятся Дейв, но ты-то... я не сделал тебе ничего плохого.

– Конечно, не сделал, только школа превратилась для меня в ад. Я для всех – брат того самого Тайлера Брюса. Знаешь, что говорят люди? Что безумие у нас в генах. Что для нас не существует морали. Сначала отец, потом ты... А теперь моя очередь сделать мерзость. Пару месяцев назад какой-то кретин, которого я вообще не знаю, спросил, что я уже натворил, потому что мы все в этой чертовой семье – бесславные ублюдки, которые наверняка скрывают страшные пороки.

Отец и Элла, которые спорили между собой, затихают, и я слышу только слова Джейми. Мы оба, я и Тайлер, смотрим на него глазами, полными ужаса. Я не знала, что чувствует Джейми. Он никогда не объяснял, что его гложет, и только теперь я начинаю понимать. Ему не просто отвратительна наша с Тайлером связь. Он прошел через такой же ад, как и я. Сверстники, с которыми он общается каждый день, считают нас жалкими извращенцами. Они смеются над парнем, брат и сестра которого встречались друг с другом. Я даже не задумывалась, как наши отношения повлияют на остальных членов семьи. Я не могу винить Джейми за отчуждение и враждебность, потому что мы виноваты перед ним: он вынужден отвечать за жестокость своего отца и запретную любовь брата.

Я всегда думала, что у нас с Джейми не может быть ничего общего; выходит, это не так.

Я встаю и украдкой смотрю на Тайлера, пытаюсь понять, задело ли его упоминание об отце. Вроде бы нет. Он бы уже взбесился, потому что никогда не выносил таких разговоров. Трудно винить его за ненависть к отцу. Не зря он уехал, как только того выпустили из тюрьмы.

Однако Тайлер просто делает пару шагов назад. Он выглядит спокойным по сравнению с Джейми, которого одолевает ярость. А ведь я знаю его не один год, и мне хорошо известно, как легко он вспыхивает.

Я хочу извиниться перед Джейми, объяснить, что я до сих пор не понимала, как тяжело ему приходится, сказать, что не хотела причинить ему столько страданий. И перед Эллой – за то, что испортила ее отношения с моим отцом. И перед отцом, которого так сильно разочаровала. И перед Чейзом, которому пришлось стать свидетелем столько ссор. Я хочу сказать Тайлеру, что мне стыдно за его семью. Боже, какой ужас! Как жаль, что я ничего не понимала!

– Они правда так себя ведут? – спрашивает Тайлер тихим голосом, как будто не понимает, насколько это серьезно.

Наверное, он до сих пор в шоке оттого, что его дом превратился в зону военных действий. Джейми молча кивает, и Тайлер поворачивается ко мне. В его глазах – тысячи вопросов. У меня нет сил на них отвечать.

– Я тебя предупреждала, – снова повторяю я.

Наверное, там, у знака, он думал, что я преувеличиваю. Думал, что я стущаю краски, когда сказала, что все о нас знают, что мой отец стал еще большей сволочью, чем раньше, и что Джейми нас ненавидит. Поверь он мне, не удивлялся бы сейчас.

– Почему вы постоянно ссоритесь? – тихо спрашивает Чейз. – Зачем вы вообще все это устроили?

Я даже не заметила, как он встал между мной и Джейми. Мы стоим теперь вчетвером полукругом, и каждый ждет, чтобы ответил кто-нибудь другой, но никто не знает, что сказать. Чейзу известно о нас с Тайлером. Он видел, как разворачивались события прошлым летом, потом молчал несколько дней, однако неписаное правило нашей семьи гласит, что Чейза надо беречь от потрясений.

– Не уезжай, – говорит он Тайлеру. – Ты только что вернулся. И у тебя очень классная татуировка.

Вероятно, он не заметил моего имени среди завитков и роз, а если и заметил, то не подает виду.

– Больно было?

Тайлер смотрит на свой бицепс, как будто забыл о рисунке, и поднимает рукав футболки, чтобы показать Чейзу всю картину.

– Чертовски, – шепотом отвечает он, улыбается и протягивает Чейзу руку ладонью вверх. Чейз хлопает по ней своей ладонью. Тайлер заключает его в объятия, словно и не было всей этой жуткой сцены. – Я скучал по тебе, братишка... Ты вырос. В нашу прошлую встречу ты был таким. – Смеясь, он показывает Чейзу на плечо.

Младший брат смущенно отодвигается, а Тайлер, посерьезнев, поворачивается к Джейми:

– По тебе тоже, честно.

– Не начинай, – предупреждает его Джейми.

Я хочу вмешаться, но Элла берет меня за плечо. Я не заметила, когда они с отцом перестали выяснять отношения. За эти несколько минут мачеха постарела на десять лет.

– Немедленно все замолчите! – скрипучим голосом говорит Элла, закрывает глаза и делает несколько глубоких вдохов.

Мы ждем. Отец стоит в противоположном конце комнаты в угрожающей позе и сердито трясет головой, словно отказывается мириться с происходящим.

– Это еще не все, – продолжает Элла.

Что еще она придумала? – удивляюсь я. Мы с Тайлером на мгновение встречаемся взглядами, ища друг у друга ответа.

– Что еще? – стонет отец. – Он попал в полицию? Нам придется платить адвокату?

Я презрительно морщусь нос. Будь я на месте Тайлера, мой папаша уже схлопотал бы по шарабану. Как ни странно, Тайлер делает вид, что не слышит.

Элла выдыхает, набирает воздуха и объявляет:

– На выходные мы уезжаем из города. Все вместе.

Что? Мы вшестером? Из города на выходные? Это жалкое подобие семьи? Полный бред! Я не хочу общаться с отцом и с Тайлером. Нет, нет, нет. Я никуда не поеду. Я отказываюсь.

– Что-о-о? – хрипит отец.

– А по-твоему, у нас все хорошо? – резко говорит Элла, обводя взглядом комнату. – Я считаю, что нам надо побыть вместе.

– Для этого не обязательно уезжать из города, – заявляет отец.

Элла начинает терять терпение.

– Хватит, Дэвид, мне надоело. Я больше не хочу тебя слушать. Как ты разговариваешь с Иден? Тебе не кажется, что так нельзя? Поездка пойдет нам на пользу. Завтра мы едем в Сакраменто. Можете собирать вещи.

Всеобщее смятение.

– Я не поеду в Сакраменто! – вопит Джейми. – Какого черта, ма? В субботу мы с Дженни идем гулять!

– Ты все равно наказан и никуда не идешь, – отвечает Элла. – Я уверена, что Дженнифер как-нибудь переживет один выходной без тебя.

– А ты не в курсе, что я работаю? – подает голос отец.

– Я договорилась с Расселом, он предоставил тебе отпуск по семейным обстоятельствам, – не моргнув, отвечает Элла.

Отец выскакивает из комнаты, размахивая руками и изрыгая проклятия. Следующим покидает поле боя Джейми, за ним семенит Чейз. Я слышу их топот по лестнице и грохот захлопнувшейся за Джейми двери. Элла трет пальцами виски, стараясь унять головную боль, и, не глядя на нас, выходит из комнаты. Мы остаемся вдвоем с Тайлером. В полнейшей тишине. Никто больше не кричит и не спорит, потому что никто ни с кем не разговаривает. Мы смотрим друг на друга, но нам тоже не о чем говорить. Я ухожу первой, и он остается один.

Глава 7

На следующее утро я заявляюсь к Рейчел ни свет ни заря – еще и десяти нет. Мама вернулась с ночной смены в шесть и сразу легла отдыхать. Мне это на руку – я по-прежнему на нее злюсь. С другой стороны, я так и не сообщила ей, что уезжаю в Сакраменто. Правда, сказала Джеку, и он пообещал передать маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.